

Ирина Муртазовна Нуриева — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.

Irina M Nurieva (PhD), Senior Staff Scientist of the Department of Philological Research, Udmurt Institute of History, Language and Literature of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Проблемы ареальных исследований в удмуртской фольклористике

The Problems of Areal Researches in Udmurt Folklore Study

В статье, посвященной проблемам ареальных исследований, обсуждается вопрос о методике определения границ локальных традиций в удмуртском музыкальном фольклоре и выборе релевантных музыкально-стилевых признаков.

Ключевые слова: удмуртская музыкальная фольклористика, метод ареальных исследований, свадебный напев.

The article deals with the problems of areal researches in Udmurt folklore study. The question about methods of determining the boundaries of local traditions in Udmurt musical folklore and about choosing of relevant musical and styles features are raised in the work.

Keywords: Udmurt musical folklore study, method of areal research, wedding song.

Метод ареальных исследований в удмуртской музыкальной фольклористике стал активно использоваться примерно с середины 1980-х годов. Но еще в 1920-е годы в Удмуртии были изданы отдельные сборники песен, материал которых был систематизирован по локальному принципу. Первой подобной публикацией является сборник М.А. Курочкина «Кубыз. Сборник вотских мелодий Малмыжского, Можгинского и Казанского уездов» [12]. Опираясь на три текстовых сборника, материал которых был записан в разных районах, автор сформировал три отдельных раздела своей работы:

песни малмыжских удмуртов Вятской губернии, можгинские молодежные песни и песни удмуртов, проживающих в Казанском уезде. Таким образом, М. Курочкин невольно стал первым автором сборника удмуртских народных песен, материал которого расположен по отдельным районам. Вторая работа, построенная по такому же принципу, принадлежит К. Герду. В нотном сборнике, выпущенном в 1927 году, он эмпирическим путем выделил семь локальных традиций: можгинских, глазовских, карлыганских, волипельгинских удмуртов, удмуртов, живущих в районе Нового Мултана, и по рекам Вала, Иж и Вотка [7].

Метод ареальных исследований как основной принцип работы при сборе и публикации песенного материала был впервые апробирован Р.А. Чураковой в сборнике «Удмуртские свадебные песни» [19]. Эта работа, в отличие от изданий 1920-х годов, базировалась на строгой методологии, разрабатываемой в отечественном этномузыковедении с 1930-х годов К. Квиткой, а впоследствии значительно расширенной и уточненной Е.В. Гиппиусом. Ареальные исследования и в настоящее время являются приоритетным направлением в исследованиях по удмуртскому музыкальному фольклору, о чем свидетельствуют многотомная серия «Удмуртский фольклор» [6; 15; 17; 18; 16], построенная по локальному принципу, и монографические исследования отдельных локальных традиций [14; 8].

Но несмотря на активность использования данного метода, многие вопросы в удмуртской музыкальной фольклористике до сих пор не получили должного толкования. Например, среди фольклористов-музыковедов пока не сложилось единого мнения относительно методики определения границ локальных традиций. В качестве маркеров исследователи удмуртского песенного фольклора предложили взять естественные природные границы — реки как «главные пути культурных и прочих коммуникаций в старое время» [3, 56]. Первой такой работой, в которой весь материал сгруппирован по трем речным бассейнам, стал вышеупомянутый сборник свадебных песен южных удмуртов Р.А. Чураковой, выполненный под редакцией Е.В. Гиппиуса. В качестве территориальных границ были избраны речные бассейны р. Люги (деревни Кизнерского р-на), рр. Тоймы и Ижа (прилегающие к рекам деревни Граховского, Можгинского, Алнашского, Малопургинского р-нов УАССР и Агрызского р-на ТАССР), р. Валы (Можгинский, Вавожский р-ны). Дальнейшее направление ареальных исследований продолжили работы Н.П. Ивановой по свадебной традиции удмуртов бассейна реки Вала [8].

Данная классификационная методика в последующих работах не получила своего продолжения по ряду причин. Во-первых, как свидетельствует история, мелкие речные бассейны не играют значительной роли в формировании диалектных групп. В предисловии к сборнику свадебных песен Р.А. Чуракова, например, отметила стилистическое единство песенного материала лишь в одной группе напевов, локализованных в бассейне речки Люга (Кизнерский район) [19, 49]. Роль речных маркеров отводится более крупным водным артериям — таким, как Кама, Вятка, Чепца. Но и они не могут быть границами отдельных говоров, так как маркируют достаточно обшир-

ные территории, объединяющие несколько однородных диалектов. Так, чепецкие удмурты являются носителями севернoudмуртского наречия, закамские и завятские — различных периферийно-южных диалектов, то есть песенная традиция, локализуемая вдоль крупной реки, не является единой цельной системой. Например, территория верхнего течения реки Валы примыкает к южной песенной традиции, нижнего — к этнической группе удмуртов-калмезов, каждая из них значительно отличается друг от друга [8, 210]. И это является второй причиной, по которой музыковеды-фольклористы отказываются от классификации по речной системе.

Новый подход к выявлению границ песенных территорий предложила в конце 1980-х годов Е.Б. Бойкова [5]. В основе этой классификации лежат исследования известного ученого-лингвиста М.Г. Атаманова по ономастике, который составил карты расселения удмуртов в XVI–XVII веках по вторичным родовым гнездам (*выл*) [2; 1]. Сохранившаяся в отдельных местах до настоящего времени система воршудной организации, представление у удмуртов о принадлежности к тому или иному роду-воршуду считается уникальным явлением в удмуртской культуре. Из числа описанных М.Г. Атамановым 70 воршудно-родовых групп ни одна не проживает компактно. Во время многочисленных миграций выходцы из одного рода образуют родовую территорию, вокруг которой создаются новые выселки, починки, в названиях которых сохраняется воршудное имя родового гнезда.

Опубликованные карты М.Г. Атаманова позволили этномузыковедам соотнести их с территориями исследуемых музыкальных диалектов и провести микролокальную дифференциацию по отдельным родовым гнездам. Так, в сборнике по алнашской песенной традиции Е.Б. Бойкова выделила четыре родовые поселения: *Омга-выл*, *Чудья-выл*, *Нумья-выл*, *Уча-выл*. «Вторичные родовые гнезда» — «*выл*ы», по всей видимости, продолжали сохранять традиции определенного рода, — пишет Е.Б. Бойкова. — Это касалось разных сторон уклада жизни удмуртов, в том числе и песенного фольклора. Каждый *выл* сохранял, как правило, песенную традицию, напевы своего рода. Деревни, занимавшие промежуточное положение между «вторичными родовыми гнездами» и собиравшие вследствие этого представителей разных (и многих) родовых групп, в песенном отношении или примыкали к более сильной традиции, или становились смешанными по существу» [6, 6]. Этот же принцип лег в основу жанровой классификации второго выпуска «Песен южных удмуртов», посвященном кизнерской традиции, в котором его автором

Р.А. Чураковой выделено два родовых гнезда: *Бодья-выл* и *Омга-выл* [18].

Данный подход вызвал большой интерес в музыкаловедческой среде и, казалось бы, определил перспективу дальнейших исследований. Однако, несмотря на новизну, свежесть взгляда, на практике обнаруживаются некоторые несоответствия заявленной методике. Например, по составу жанров выделенные Е.Б. Бойковой в Алнашском районе четыре песенные традиции *Омга-выл*, *Чудья-выл*, *Нумья-выл* и *Уча-выл* полностью совпадают: свадебные, поминальные, гостевые, рекрутские, напевы моления и проводов невесты присутствуют в каждой воршудно-родовой традиции — *выл'е*. Отличия в жанровой системе *Омга-выл* (три календарных жанра) и *Бодья-выл* (полный календарь) в Кизнерском районе автор вполне логично объясняет разницей географического положения населенных пунктов в обоих *выл'ах* (компактное на территории *Бодья-выл* и дисперсное — в *Омга-выл*), но не принадлежностью к разным воршудно-родовым группам. Не «срабатывает» метод определения локальных песенных традиций на уровне конкретного напева или группы типологически родственных напевов. Например, все четыре *выл'а* — песенных традиций в Алнашском районе имеют общий свадебный напев, точнее, два общих свадебных напева: один относится к роду жениха «вне зависимости от принадлежности самого жениха к тому или иному конкретному роду, и точно так же другой напев был всегда напевом рода невесты» [6, 8]. Если же взять за основу календарные напевы моления *вксь нерге гур*, то их общее количество намного превышает количество выделенных четырех воршудно-родовых поселений, поскольку «практически в каждой деревне присутствует свой собственный календарный напев» [там же].

Апробация этого метода на территории проживания завятских удмуртов показала следующую картину. На территории проживания шошминских удмуртов (Балтасинский район Татарии, Мари-Турекский район Марий Эл, Малмыжский район Кировской области) насчитываются следы, по крайней мере, семи воршудных поселений: *Дурга*, *Пышья*, *Салья*, *Турья*, *Лкзя*, *Чипья*, *Чола*. Песенный материал, однако, свидетельствует о почти полной его однородности, вплоть до точного, идентичного набора обрядовых напевов в каждой деревне. Варьироваться могут более поздние по стилю напевы весеннего цикла, но их ареалы не соотносятся с воршудно-родовыми названиями. На территории Кукморского района выявлено два крупных родовых центра — *Нумья* и *Уча*. В соотношении с песенными традициями дифференциация здесь обнаруживается не на уровне системы жанров,

«родовых» напевов или структурно-ритмических типов, а на более глубинном — ладо-интонационном: напевы, распространенные на территории рода *Зумья-выл*, имеют в основе большеперцовый лад (*g a h*), в «учинском» кусте наряду с большеперцовыми напевами широко представлены лады с основной трихорд в кварте (*d e g*) [14, 265].

«Сбой» в применении методики определения границ локальных традиций в соответствии с воршудно-родовыми поселениями происходит вследствие нескольких причин. Одну из них назвала сама Е.Б. Бойкова: «одни «родовые гнезда» объединяются в некую культурную традицию, а другие нет», но на каком основании происходят эти исторические процессы — предстоит еще выяснить [4, 246].

Опираясь на работы лингвистов-диалектологов, чьи исследования приобрели концептуальное значение для удмуртского этномузыкаловедения, нами был предложен третий принцип определения границ локальных традиций: по языковым структурно-территориальным единицам. Хотя далеко не все диалекты и говоры описаны диалектологами, и в удмуртской диалектологии не существует пока окончательного варианта карты диалектологического членения языка, но благодаря монументальным трудам по диалектологии В.К. Кельмакова [10; 11], целенаправленному изучению диалектов севернудмуртского наречия Л.Л. Карповой [9], начавшейся серии публикаций «Диалектологического атласа удмуртского языка» с использованием лингвогеографического метода [13] и работам других авторов, у этномузыкаловедов появилась уникальная возможность сверить границы изучаемых песенных традиций с описанными языковыми диалектами. Выявление языковедами границ отдельных диалектов значительно облегчает проблему определения ареала песенной традиции, так как удмурты, даже при позднейшем их расселении, смогли сохранить удивительную целостность своей культуры, проявляющуюся в общности языковых, музыкальных и этнографических особенностей. Особенно четко эта закономерность проявляется в периферийно-южных диалектах: кукморском, шошминском, бавлинском. Описанные нами музыкальные диалекты (кукморский и шошминский), например, показывают абсолютное совпадение границ с лингвистическими структурно-территориальными единицами [15; 16]. Возможно, что в этом случае поддерживающим фактором стало иноэтническое окружение, создавшее естественные культурно-языковые границы.

Таким образом, лингвистические исследования для удмуртского этномузыкаловедения служат своеобразной «путеводной нитью», в частности,

в вопросах определения музыкальных диалектов. Однако музыкально-стилистические параметры песенного фольклора имманентно являются самостоятельными дефинициями в их определении.

Этномузыковедческая дискуссия по выявлению границ местных традиций по существу сводится к проблеме отбора релевантных системных стиливых признаков, согласно которым могут быть точно очерчены границы музыкальных диалектов. На первом этапе, как правило, определяется объект картографирования. В качестве такового все этномузыковеды единодушно избрали стиливой пласт обрядового фольклора, обладающий ярко выраженной диалектной спецификой. Предметом первого ряда картографирования обрядового песенного слоя могут служить народно-певческая терминология, ладозвучные характеристики, тип многоголосия. По этим признакам территория проживания удмуртов четко делится на две зоны, совпадающие с лингвистическими наречиями: южные и северные удмурты.

По стиливым параметрам южная удмуртская песенная традиция, сохранившая до новейшего времени редчайшие обряды, архаичные формы интонирования, обрядовый звукоидеал, узкообъемный трехзвучный амбитус напевов, вписывается в этнокультурную зону Среднего Поволжья. Строчичность обрядовых текстов, как музыкальных, так и поэтических, их автономность и относительная независимость в обрядовом контексте, ангеми-tonно-пентатонный тип ладового мышления, унисонно-гетерофонное ансамблевое пение, ориентированное на монодию — все эти черты музыкально-поэтического стиля сближают южноудмуртскую традиционную музыку с татарской, башкирской, кряшенской, чувашской и марийской песенными культурами и позволяют говорить о едином в стиливом отношении историко-культурном регионе. Характерной чертой южного музыкального наречия является его дробность, компактность расположения отдельных локальных традиций, что также в определенной степени отражается и в певческой терминологии. На юге республики для обозначения обрядовых напевов распространен термин *гур*, в завятской традиции — *сям*, *зоут*, *күй*, закамские удмурты используют фонетические варианты *күй/гүй*.

Северный ареал представляет собой более цельную картину. В отличие от юга здесь нет четких границ между локальными традициями. Важным показателем, организующим музыкально-песенное пространство в единый музыкально-диалектный ландшафт, является особый жанр импровизируемого пения на «припевные», не несущие смысла слова в сольной и ансамблевой форме, исполняемый в последнем случае в гетерофонной манере с развиты-

ми подголосками. Этот феномен, не имеющий аналогов в финно-угорском и поволжском (возможно, и шире) музыкальном мире, обозначается северными удмуртами терминами *крэзь / голбс* 'напев' или спорадически распространенным словом *кырзан* (в том же значении). В качестве характерного признака этого ареала нужно отметить сосуществование различных диатонических ладовых форм и ангеми-tonики.

Однако вышеперечисленные характеристики являются слишком общими. Главная проблема возникает на следующем этапе — при определении конкретных музыкальных диалектов. Какие дефиниции должны быть избраны в качестве релевантных, определяющих музыкальный облик диалекта? Эту проблему на южноудмуртском материале решала Е.Б. Бойкова. Исходя из методологических положений Е.В. Гиппиуса, особенностей жанровой системы удмуртского песенного фольклора, она предложила в качестве дифференцирующих признаков локальных песенных систем избрать жанровый состав традиций и централизирующий компонент (или компоненты, составляющие ядро) жанровой песенной системы [5, 99]. Поскольку, как справедливо отмечает в ряде статей Е.Б. Бойкова, количество обрядовых напевов в каждой традиции ограничено, и они имеют выраженную территориальную прикрепленность [4, 245; 5, 99], то целесообразно картографировать отдельные обрядовые напевы. Из всей жанровой системы южноудмуртского песенного фольклора она выделила напевы «обрядов транзита»: свадебные и проводные (проводы рекрута/солдата), являющиеся ядром южноудмуртской песенной жанровой системы [5, 99].

На наш взгляд, данное предложение является достаточно перспективным. Из всей системы жанров наиболее стабильное положение занимает свадебный напев *сюан гур* — централизирующий компонент жанровой системы удмуртского песенного фольклора, что отмечают практически все музыковеды [19, 4; 8, 210]. Картографирование напевов этого жанра позволяет выявить ареалы отдельных южноудмуртских музыкальных диалектов, хотя при этом следует учесть, что в населенных пунктах, особенно близких к центру, существуют по несколько (два или более) свадебных напевов, что, очевидно, показывает смешение традиций.

На территории северной Удмуртии складывается иная ситуация. Свадебный напев с типовой пятисложной ритмоформулой $\odot \odot \odot \leftarrow \leftarrow$ является единственным на этой территории, охватывая два основных (верхне- и среднечепецкий) языковых диалекта северноудмуртского наречия и потому не может служить дифференцирующей дефиницией.

Вспомогательными признаками являются прикрепленные к свадебному напеву поэтические тексты, которые отличаются в этих двух диалектах, а также системные взаимосвязи других напевов обрядового цикла со свадебным. Вероятно, существует и более

дробная дифференциация — на уровне ритмической или мелодической структуры или видов фактур совместного пения свадебного напева. Дальнейшие ареальные исследования должны уточнить эту градацию.

Список литературы

1. Атаманов М.Г. Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 81–127.
2. Атаманов М.Г. Расселение удмуртов по данным этнопопуляционной // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 80–103.
3. Бойкова Е.Б. О классификации жанров южно-удмуртского музыкального фольклора (на примере народно-песенной традиции Алнашского района УАССР) // Проблемы творческих связей удмуртской литературы и фольклора. Устинов, 1986. С. 50–65.
4. Бойкова Е.Б. О методологии исторического изучения музыкального фольклора (на примере одной южно-удмуртской традиции) // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Часть II. Устинов, 1987. С. 244–246.
5. Бойкова Е.Б. Об ареальном исследовании южноудмуртского песенного фольклора // Специфика жанров удмуртского фольклора. Ижевск, 1990. С. 96–106.
6. Бойкова Е.Б., Владыкина Т.Г. Песни южных удмуртов: Материалы исследования. Ижевск, 1992. Вып.1. (Удмуртский фольклор).
7. Герд К.П. Удмурт кырзанъёс. Революционные и удмуртские народные песни. Сборник 1-й. На вотском языке. Издание 3-е. Ижевск, 1927.
8. Иванова Н.П. Музыкально-диалектная структура свадебной традиции удмуртов бассейна реки Вала // Мир традиционной музыкальной культуры. Сборник трудов. Вып. 174. М., 2008. С. 206–227.
9. Карпова Л.Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Tartu, 1997.
10. Кельмаков В.К. К вопросу о диалектном членении удмуртского языка // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 26–51.
11. Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск, 1998.
12. Курочкин М.А. Кубыз: Удмурт крезьёс. Сборник вотских мелодий Малмыжского, Можгинского и Казанского уездов. Ожар, 1925.
13. Насибуллин Р.Ш., Максимов С.А., Семенов В.Г., Отставнова Г.В. Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. I. Ижевск, 2009.
14. Нуриева И.М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск, 1999.
15. Нуриева И.М. Песни завятских удмуртов. Ижевск, 1995. Вып.1. (Удмуртский фольклор.)
16. Нуриева И.М. Песни завятских удмуртов. Ижевск, 2004. Вып.2. (Удмуртский фольклор.)
17. Ходырева М.Г. Песни северных удмуртов. Ижевск, 1996. Вып.1. (Удмуртский фольклор.)
18. Чуракова Р.А. Песни южных удмуртов. Ижевск, 1999. Вып.2. (Удмуртский фольклор.)
19. Чуракова Р.А. Удмуртские свадебные песни / Под редакцией Е.В. Гиппиуса. Устинов, 1986.

E-mail: nurieva@ni.udm.ru